

РЕАКЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ПРОЦЕССЫ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

МОРОЗОВ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Томская Православная Духовная семинария,
г. Томск, Российская Федерация, e-mail: tigriso@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1796-3706

Социально-политическая трансформация постсоветской России инспирировала в общественной дискуссии возникновение новых противоречий между традиционными и модернистскими парадигмами, религиозными и секулярными взглядами. Неоднозначно оценивается вовлечение России в мировой процесс глобализации, и к его негативным последствиям Православная церковь относит политизацию феномена религии, девальвацию традиционных культурных ценностей, секуляризацию экономики. В статье проводится анализ стратегии ответа Русской Православной церкви на развитие процессов секуляризации в современном российском обществе. Рассматривается содержание концепта «секуляризация», выявляется различие в его светском и религиозном понимании. Проблематизируется активное сопротивление церкви изъятию православных ценностей из концепции социального государства. Автор приходит к следующим выводам: по своему характеру процессы секуляризации современного российского общества более сопоставимы с секуляризацией, начавшейся в XVIII в. в Европе, нежели с современными западными социально-культурными тенденциями; секуляризация упраздняет нравственное регулирование потребительства, приоритет этических и моральных норм, что формирует риск возникновения таких антисоциальных черт личности, как анархизм (протест против государственного регулирования личности) и стяжательство (ориентация на зарабатывание денег), а также таких антисоциальных явлений, как разрушение института семьи и терроризм; для преодоления негативных последствий секуляризации и недопущения новых угроз церковь предлагает православное обоснование российской идентичности и экономики, а также метод возрождения культурной связи христианства и общества. Выход российского общества из духовного кризиса может быть обеспечен, по мнению церкви, за счет расширения сферы ее влияния. Методологической основой является метод сравнительного историзма. Теоретической основой исследования является концепция Питера Бергера о роли религии в современном мире, его утверждение ошибочности мнения, что модернизация неизбежно ведет к закату религиозности, что, напротив, она в конечном итоге вызвала мощное движение контрсекуляризации, и современный мир «неистово религиозный». Эмпирическую базу составили анализ документов и вторичный анализ данных социологических исследований.

Ключевые слова: Россия, Русская Православная церковь, секуляризация, общество, ценности, религия, идеология, культура, традиция, современность

Введение

В последнее время в церковном дискурсе СМИ употребление термина «секуляризация» становится более востребованным, особенно в связи с публичными выступлениями православных иерархов. Тенденция роста толерантности российского общества к потребительским установкам заставляет церковь рассматривать секуляризацию как фактор риска, который способствует усилению духовного кризиса современной моло-

дежи. Высшее духовенство РПЦ и ранее подчеркивало негативную роль секуляризации для религии, но почему-то именно сейчас, в достаточно благоприятных для Православной церкви политических и социальных обстоятельствах, в церковной среде появляются апокалиптические настроения. Высшее руководство РПЦ квалифицирует современную секуляризацию в качестве вызова для современного российского общества, ставит под вопрос дальнейшее процветание России в

связи с глобальным распространением потребительской идеологии. Для выявления причин столь категоричной позиции Московского Патриархата мы попытаемся понять следующее:

- являются ли процессы секуляризации современного российского общества логически вытекающими из секуляризации, начавшейся в XVIII в. в Европе, или они приобрели качественно новые черты;
- угрожает ли процесс секуляризации существующему общественному порядку;
- способна ли РПЦ предложить качественно новый комплекс идей, который можно противопоставить потребительской модели поведения современного общества.

Основные результаты

Историческая наука чаще всего относит секуляризацию к области хозяйственных правоотношений, подразумевая передачу собственности религиозной организации в ведение государственных структур. В социологии секуляризация рассматривается в политическом, социальном и личностном аспектах, и общая идея состоит в утрате религией массового характера. В основе секуляризации, согласно мнению социолога П. Бергера, содержится процесс рационализации общественного сознания, порожденный экономической и культурной модернизацией [1, с. 132]. Уровень секуляризации измеряется совокупностью таких параметров, как посещаемость храмов [2, с. 432], характер взаимоотношений государства и церкви [3, с. 290], уровень социальной значимости религии, соотношение между силой влияния церковной проповеди и убедительностью светского искусства [4, с. 330], способность религиозных институтов регулировать нравственное поведение [5, с. 329]. В области православного богословия термин «секуляризация» используется с целью обозначения тенденции изъятия сакрального элемента из культуры, а также в связи с процедурой закрепления в правовом нормативе формулировки принципа государственного устройства вне связи с религиозным дискурсом.

Представители Московской Патриархии говорят о современной секуляризации как направленном процессе, так как представляют ее не столько в виде социального явления, сколько в форме социального действия, направленного на «изгнание Бога из человеческой жизни, из жизни общества» и непосредственно связанного с популярной в мире «глобальной ересью человекопоклонничества» [6], которая в качестве универсального и исключительного критерия истины применяет не традиционные религиозные смыслы, содержащиеся в вероучительных христианских источниках, но част-

ное человеческое мнение без учета нравственных качеств его носителя. Светские ученые, в отличие от православных богословов, не видят за процессом секуляризации в постсоветской России чьей-то «руки», но рассматривают его в качестве компонента индивидуализации современного общества [7, с. 36]. Секуляризация, по их мнению, вызывает кризис правового норматива во взаимодействии социальных структур, не затрагивая персональную религиозность. При том, что различия между религиозностью и религией, религиозной ориентацией и религиозной деятельностью остаются неоспоримыми, западные социологи приходят к выводу о неочевидности взаимосвязи между глобализацией и секуляризацией, считают более целесообразным применять термин «секуляризация» не в прогнозирующих, а описательных конструкциях [3, с. 299]. П. Бергер утверждает, что актуальность религии не снижает даже наличие такого ключевого фактора, обусловившего процесс секуляризации, как «плюрализация социальных миров» [1, с. 132]. На фоне потери религией права онтологического и экзистенциального осмысления реальности, т. е. «демонополизации» религиозной традиции, растет общественное одобрение деятельности священнослужителей. Нерелигиозное церкви, рационализировать духовное как товар и производство, связать его с понятиями спроса и предложения, но не в силах снизить востребованности религии, поскольку лишь она способна непротиворечиво отреагировать на проблему смысла сущего. Вероятность тотальной секуляризации человечества сводится к нулю, поскольку опыт сверхъестественного и опыт священного, включающий набор религиозных идей и действий, своей «бесспорной» и «ошеломляющей реальностью» с успехом противостоит мирскому опыту и снижает его значимость [8, с. 141-142]. Исходя из этого Бергер не сомневается в том, что в XXI в. мир будет не менее религиозным, чем прежде [9, с. 12].

По нашему мнению, хотя концепция П. Бергера, исследовавшего религиозность европейских и американских католиков и протестантов, наилучшим образом объясняет причины и результаты развития «кризиса теологии» в интернациональном масштабе, его выводы об актуальности религии требуют некоторых коррективов применительно к анализу современного российского общества, состоящего в основном из православных, а также пережившего в недавнем советском прошлом авторитарно-репрессивную секуляризацию. Дело в том, что религиозная самоидентификация большинства современных россиян, которую мы измеряем в ходе социологических опросов, в отличие

от жителей стран Европы и Америки, не отражает реальной картины. В своем большинстве «православные» россияне не вовлечены в приходскую деятельность, ориентируются на религию в утилитарно-бытовом аспекте, их каждодневная жизненная практика мало мотивируется духовными запросами. В связи с выводами социологов в начале 2000-х гг. о поверхностном и показном характере религиозности граждан, размытости и неопределенности ее содержания, М. Мчедлов писал о сложности и неоднозначности процесса религиозного возрождения в России [10]. По данным за 2009 г., немногим меньше трети населения России считали себя религиозными, глубоко религиозными лишь 3 %. По данному параметру Россия ушла недалеко от европейских стран, демонстрирующих самые низкие показатели посещения церковных служб и совершения ежедневной молитвы [11, с. 207, 215]. В 2014 г. только 13 % россиян, крещенных в Православной церкви, были воцерковлены [12]. В 2015 г. на вопрос о том, помогает ли религия в повседневной жизни, 26 % опрошенных ответили однозначно утвердительно, 29 % сказали, что такие случаи бывают, 39 % подобных случаев не припомнили [13].

Современное российское общество, как и европейское, остается преимущественно светским, но политическая и социальная трактовка светского государства, светского общества, светского образования на Западе и в России кардинально отличается. В российском образовании, науке и культуре до сих пор отождествляются понятия «секулярный» и «нерелигиозный», что показывает существенную разницу между современной секуляризацией западного типа, в которой принцип светскости допускает определенное законом место для религиозной жизни и деятельности, и секулярными тенденциями в России, где неприятие церкви имеет дух агрессивного атеизма. Несмотря на положительные перемены в государственной политике относительно традиционных религий, по критерию секуляризованности наша страна сохраняет историческое лидерство среди христианских регионов мира, что в равной степени констатируют светские [14] и церковные деятели [15]. Постсоветское общество оказалось неспособным за столь короткий период преодолеть стереотипы «жесткого идеологического секуляризма советского типа» [16]. Но и ведущим европейским государствам понадобился не один десяток лет, чтобы к концу XX в. выйти на большие показатели религиозности населения. Те католические страны, в которых религиозный спад начался рано, продемонстрировали и раннее воз-

вращение к церкви, по оценкам социологов, примерно с 1945 г. [17, с. 69].

На основании вышеизложенного было бы неправомерно включать Российскую Федерацию в современный секулярный «интернационал» лишь на основании общей для большинства европейских стран тенденции упразднения религиозного обоснования государственной политики. Очевидно, что в силу экономических и исторических причин религиозная ситуация в развивающихся регионах, к которым принадлежит современная Россия, отличается от ситуации в развитых странах мира. Секуляризация в современной России более сопоставима с антирелигиозным лаицизмом в индустриально неразвитой Франции XVIII в., о котором писал П. Бергер в связи с анализом зависимости политической секуляризации от социально-экономической модернизации [1, с. 131]. Французская революция привела к независимости государства от влияния церкви, но с течением времени антиклерикальная риторика проповедников рационализма трансформировалась в более мягкие формы, а критика недостатков церковной жизни стала конструктивной. В начале XXI в. Америка, воспринявшая европейские культурные тенденции, пришла к самым высоким цифрам религиозности населения, что стало опровержением популярной гипотезы о расцвете секуляризации в развитых странах [2, с. 432], заставило усомниться в адекватности старой парадигмы линейного развития секуляризации. Оказалось, что современный западный мир настолько сложен, что при наличии тенденции противостояния религиозного и светского, священного и профанного, классическое толкование секуляризации как упразднения сакральности теряет актуальность [18, с. 176]. Во многих развитых странах выявляется странный парадокс: в обстоятельствах реализации либерально-демократических идей, в частности, мультикультурализма, происходит усиление институционального влияния церкви на государственные отношения, повышение религиозной самоидентификации христиан [19, с. 650]. По нашему мнению, в нынешней России, сохраняющей по сути советский правовой статус церкви, не предполагающий регулирование деятельности государственных структур на основе религиозных норм, все еще реализуется линейная секуляризация, что показывает крайне полярное разобщение общества в аспектах религиозной самоидентификации и отношения к религиозным институтам. Граждане либо категорично поддерживают церковь (чаще всего в силу православной идентичности) – и это большинство населения России, либо столь же категорично отвергают ее значимость для жизни общества. Критические замечания о жизни священнослужителей высказываются в резкой

форме, с нескрываемых враждебных позиций, в основном со стороны либеральной «западнической интеллигенции» [20, с. 64], которую социолог Ю. Синелина называла «очень серьезным недоброжелателем» церкви [21, с.100]. Деятельность либеральных СМИ по дискредитации православия трактовалась Патриархом Алексием II как признак новых гонений на РПЦ [20, с. 66].

На наш взгляд, угроза секуляризации для российского общества заключается в отвержении традиции, ядром которой являются религиозные ценности. Снижается или вовсе упраздняется легитимность таких сконструированных на основе веками устоявшихся смыслов социальных институтов [1, с.29], как семья и государство. Поскольку религия, по Бергеру, устанавливает общий для всех членов общества смысловой универсум [1, с. 134-135], снижение ее общественной роли ведет к регуляции деятельности людей и их поведения в обществе не на основе общих правил, а хаотично, что делает гражданские союзы и социальные коммуникации хрупкими и недолгосрочными. Несмотря на то, что Советский Союз был агрессивно-антиклерикальным, в качестве универсальных норм провозглашались такие по сути христианские ценности, как дисциплинированность, порядочность, честность. Советская идеология, как и христианство, содержала в себе понимание того, что помимо узкокорыстных целей есть цели более значительные, великие, ради которых следует усмирять плоть, желания, страсти. Современному же обществу предлагается не аскетизм во имя общей идеи, а потребительство и индивидуализм, безыдейные по своей сути. Призывы Церкви к противостоянию современным антигуманным трендам комментируются в светском обществе как вмешательство в личную жизнь людей, нарушение их гражданских прав, что находит отклик в молодежной среде, стремящейся к независимости. Отчуждение от семьи, духовная дезориентация стали главными причинами формирования в студенческой среде нового религиозного сознания (квазирелигиозного феномена), в котором переплетены элементы различных философских и религиозных учений, от христианства до неоязычества и атеизма, скептицизма и индифферентизма [22]. В глазах людей постмодерна, к которым, в первую очередь, можно отнести молодежь, религиозная трактовка понятий святости, культуры и морали воспринимается зачастую как пережиток прошлого, в результате чего сфера межличностных отношений теряет свое обоснование в традиционных ценностях. Потребность в рефлексии и коммуникации с миром заставляет

личность конструировать новые, индивидуальные системы экзистенциального осмысления жизни, в результате чего создается множество персональных религий, в основе которых заложен неорганический социокультурный синкретизм – произвольное сочетание элементов культуры из опыта поколений и актуальной реальности.

Другой риск секуляризации связан с общественной безопасностью. Оправдывая свои действия борьбой с интернациональными секулярными доктринами, международный терроризм направляет религиозный фанатизм верующих на разрушение основ гражданского общества, в первую очередь – прав человека. Агрессия культивируется в отношении цивилизованных стран, утверждающих плюралистическую идею в качестве общественной и правовой нормы. Вербовка в ряды террористов всегда сопровождается ссылкой на глобальное распространение антирелигиозных учений. Бесконтрольная миграция позволяет террористам получать легкий доступ к потенциальным объектам нападений.

В силу, во-первых – глобального характера секуляризации, во-вторых – политического, экономического и культурного участия России в мировом процессе, к анализу современной российской действительности можно, но с оговорками, применить концепцию П. Бергера о причинах фиаско, которое получает в глобальном измерении идея отказа от религии. Применительно к экономически развитым регионам Бергер справедливо считает, что социальный мир не только не потерял связь со своими религиозными истоками, но даже стал более религиозным, что видно на примере восточноазиатских стран, демонстрирующих экономическую эффективность при отсутствии влияния секуляризации. Поскольку Россия находится на стадии догоняющей модернизации, социокультурные и экономические преобразования еще не стали фактором консолидации российского общества, в том числе относительно религиозной проблематики. В споре о месте религии в современном мире секулярная российская элита, имеющая большое влияние на СМИ и образовательную сферу, противостоит той части творческой и научной интеллигенции, которая является православной паствой. Можно предположить, что в случае дальнейшей ориентации на Европу, России в будущем предстоит пройти стадию так называемой «секуляризации секуляризации» [23, с. 225], т. е. повторить опыт разочарования стран Старого Света в сакральности разума. На данном этапе российское общество, разуверившееся в истинности диалектического материализма, демонстрирует следующие тенденции:

- противостояние между российскими религиозными и светскими деятелями не оказывает существенного влияния на общественное мнение;
- деятельность традиционных религиозных институтов поддерживается подавляющим большинством россиян, несмотря на невысокую религиозность населения;
- процесс освобождения российской экономики, политики и культуры от религиозной регуляции сопровождается стабилизацией высокой православной самоидентификации граждан.

Таким образом, можно предположить, что в современной России секулярная идеология оказывает незначительное влияние на личность (религиозность), но чувствительно воздействует на характер общественных отношений. Секуляризация не искореняет религиозную веру в человеческой психике, не снижает потребности в духовном осмыслении жизни, на чем и настаивает Бергер [1, с. 132], но существенно ограничивает реализацию сакрального в социальной реальности, разрушает заложенную православной традицией связующую культурную основу социальных коммуникаций. Международная волна роста христианского движения в регионах, ранее маргинализирующих религию [9, с. 9], коснулась и России.

Реакция РПЦ на процессы секуляризации в российском обществе имеет многоаспектное выражение, в том числе декларативное, институциональное и коммуникативное. Методом борьбы с секулярными тенденциями становится православное обоснование российской идентичности. Западной «недружественной» секулярной цивилизации противопоставляется идея самодостаточности и уникальности российской цивилизации как культурной парадигмы, ценностно и мировоззренчески объединяющей общество. В этическом дискурсе официальных выступлений православных иерархов содержатся призывы к экзистенциальному осмыслению таких ценностей, как Родина, семья, религия, утверждение сакральности понятий Бог, совесть, нравственность, ревальвация таких стереотипов, как уважение к старшим, долг перед Отечеством, помощь страждущим. Ввиду того, что церковь идет на сознательный риск снижения своего рейтинга в обществе из-за возможного несовпадения провозглашаемого ею морального императива с общепринятым общественным мнением, сохраняется высокий градус тех проповедей, в которых духовенство высказывается против узаконивания гомосексуализма, финансирования абортот за счет системы ОМС и т. д.

С целью сохранения за собой статуса авторитетного эксперта в вопросах религии и духовности Патриархия разработала стратегию ответа на актуальные общественные вызовы. Модернизация православных институтов осуществляется с этой

же целью. Преобразование Церкви направлено на повышение ее духовной компетентности и социальной целесообразности. РПЦ заимствует инновационные светские методы, использует успешный опыт гражданских институтов, примером чего является переход духовных семинарий на двухуровневую систему высшего профессионального образования, практикуемую в государственных вузах. В результате меняется институциональная среда российского православия, церковь становится более открытой, повышается уровень доверия общества к ее деятельности, особенно в аспекте духовного просвещения.

Пользуясь привилегией расширять сферу своей общественной деятельности, РПЦ усиливает миссионерскую работу, создает приходские центры социальной помощи, в которых реализуются образцы христианского милосердия. Помощь ближнему не афишируется, так как церковная традиция категорически отвергает PR-методы, в результате чего сострадание наполняется истинно христианским содержанием, становится общественным критерием добра, ценностным ориентиром в духовном самоопределении человека. Несмотря на то, что на современном этапе православными приходами еще не накоплен достаточный опыт социального служения, а деятельность отдельных священнослужителей может быть охарактеризована как некомпетентная замена профессиональных психологов и социальных работников, само стремление церкви помогать страждущим и обездоленным напоминает обществу об альтруизме и милосердии.

Дабы обеспечить политическую, социальную и культурную коммуникацию со светскими институтами, РПЦ пошла по пути возрождения культурной связи христианства и общества. Данный подход предполагает сближение двух противоречивых концептов: церковной духовности, в основе которой лежит сакральное мировоззрение и мистический метод, и светской культуры, сделавшей свой выбор в пользу цивилизации, которая отвергла христианские принципы мировоззрения и сформировалась под влиянием секулярной идеологии прогресса. Чтобы снять напряжение в нерелигиозном восприятии православных идей, Патриарх Кирилл в своих общественных выступлениях интенсивно использует светскую лексику. При этом риск секуляризации самой церкви возрастает, но, она либо уверена в своей резистентности к воздействию мирских тенденций, либо в определенных рамках готова на издержки.

В сфере культуры Патриархии пока не удается достичь желаемых результатов, о чем свидетельствуют столкновения епархиальных структур с учреждениями культуры по поводу театральных постановок, рок-конcertов, выставок, в которых

церковная символика встраивается в оскорбительный для верующих контекст. Православные активисты действуют хоть и законным, но репрессивным методом, привлекая органы власти, Прокуратуру, что не повышает престижа церкви в народе.

РПЦ своевременно осознала тот факт, на котором настаивал П. Бергер, что именно экономика, а не культура является самой секуляризованной сферой, распространяющей потребительские идеи на другие социальные сферы [1, с. 130]. Но, несмотря на фактическое восприятие российской властью православия в качестве оплота этнической общности и критерия государственной принадлежности, несмотря на официально декларируемую позицию первых лиц государства в пользу развития отношений с церковью, Патриархии не удалось добиться участия в проектировании экономического развития и, следовательно, внести в него религиозное обоснование. В результате этого в сфере экономических отношений церкви приходится довольствоваться лоббированием собственных корпоративных интересов.

Но в аспекте проповеди церковь преуспела. Начало церковной дискуссии на тему отношения православия к научно-техническому прогрессу было положено в 1973 г., когда на Межправославном богословском симпозиуме в городе Салоники было озвучено положительное отношение церкви к технологическому развитию. В процессе обсуждения вопроса о православном подходе к анализу современных тенденций технологического роста консенсус был достигнут в идее, согласно которой деятельное применение церковного потенциала в решении современной проблематики должно происходить в рамках синтеза акривии и икономии [24, с. 45]. Далее Патриархия инициировала консультации с московскими предпринимателями по вопросам теории экономического развития и организации благотворительной деятельности. В 1996 г. был создан «Клуб православных предпринимателей», в задачи которого входило возрождение духовных и деловых традиций российского предпринимательства, поддержание атмосферы сотрудничества с государством, возвращение норм православной этики и морали в повседневную жизнь делового человека, объединение усилий РПЦ, государственной власти и других институтов в деле духовного возрождения страны. На итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора в 2004 г. был принят «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», описывающий идеальную модель хозяйствования на основе библейских заповедей и на опыте их усвоения христианством и другими традиционными религиями России. Применительно к сфере экономических отношений в документе говорится о необходимо-

сти соблюдения таких норм, как уважение к институту собственности, справедливость в конкурентной борьбе, сохранение здоровья на производстве, отдых, творческое развитие работников, общественное благо [25]. В связи с экономическим кризисом 2008 г. Патриарх Кирилл начал настаивать на духовной экспертизе современных модернизационных процессов, призывая российских предпринимателей развивать бизнес на базе христианских ценностей. Церковь предложила следующие тезисы, в которых получил отражение православный взгляд на перспективы модернизации российской экономики:

- успешность модернизации экономики и общественной жизни напрямую зависит от развития образования, профессионального уровня и ориентации на культуру [26];

- главными нравственными факторами экономического роста являются справедливость экономики и сбалансированность финансов и труда, а главной причиной экономического кризиса – стяжание богатства, не являющегося эквивалентом созидательного труда;

- экономический кризис, являясь следствием кризиса человеческой личности, преодолевается посредством сочетания свободы и нравственной ответственности;

- без разработки и осуществления высоких стандартов профессиональной этики на основе духовно-нравственных ценностей невозможно сформировать здоровый нравственный климат в трудовых коллективах и бизнес-отношениях;

- не что иное, как бездуховность ответственных лиц является причиной коррупции и хищения общественной и государственной собственности [27];

- в целях совершенствования нравственного климата в государственных структурах необходимо строить домовые храмы на территории государственных учреждений, воцерковлять сотрудников.

Попытки иерархов донести свою позицию до властных элит посредством политической риторики вызывают неоднозначную реакцию в обществе, в том числе обвинения в том, что церковь тем самым «способствует по существу нерелигиозному восприятию религии» [28, с. 22].

Выводы

На том основании, что тенденция развития рационализма и ценностей потребительской идеологии в России проистекает из либерально-демократических воззрений, а также с учетом антиклерикального характера и антирелигиозной направленности современной российской секуляризации, мы считаем правомерным соотнести социокультурную ситуацию в нынешней России с антирелигиозным движением Европейской куль-

туры конца XVIII-начала XIX вв., которому были свойственны те же характеристики. Основанные на рационализме и глобализме, секулярные тенденции в нынешней России динамично развиваются в рамках концепции построения потребительского общества.

Отчуждая личность от национальных корней, глобальный секуляризм предоставляет личности право самостоятельного поиска приемлемого формата коммуникации с обществом. С одной стороны, это может позитивно отразиться на способности к рефлексии, развитию социальной мобильности и чувства ответственности, с другой – благоприятствует появлению недоверия к устоявшимся правовым и моральным нормативам, способствует формированию кризиса идентичности. Девальвируя универсальную религиозную идею в угоду индивидуализму, общество лишается ресурса, гарантирующего сохранение стабильности при возникновении конфликта корпоративных (в том числе государственных) и частных интересов. Воспитание подрастающего поколения вне религиозно-культурного регулятора «связи поколений» повышает риск попадания под влияние деструктивных идей. В мировоззренческом хаосе получают обоснование аморальные поступки, субкультурные практики, деятельность религиозных сект и экстремистских организаций.

РПЦ последовательно продолжает деятельность по трансляции духовных смыслов, христианских идей, нравственных паттернов. Она всеми силами пытается выйти из частной сферы в публичную, что ей с успехом удается на уровне высшей иерархии. Но еще не найден приемлемый формат диалога с теми социальными субъектами, в которых превалируют антиклерикальные настроения. Доступ к СМИ, государственному образованию, бизнесу имеют только единичные представители духовенства, что снижает эффективность церкви в области легитимизации социальных отношений. Религиозные институты на сегодняшний день не обладают достаточным ресурсом для создания таких социальных проектов, культурных и образовательных программ, которые могли бы заинтересовать научное сообщество.

Литература

1. Berger P. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. New York: Doubleday & Company, Inc., 1967. P. 230.
2. Bruce S. *Secularization: In Defence of an Unfashionable Theory* // Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 432-433.
3. Beyer P. *Secularization from the Perspective of Globalization: A Response to Dobbelaere* // *Sociology of Religion*. 1999. № 60 (3). P. 289-301.

4. Snead J. Carol Stewart. *The Eighteenth-Century Novel and the Secularization of Ethics* // *Review of English Studies*. 2012. №63 (259). P. 329-331.

5. Stewart C. *The Eighteenth-Century Novel and the Secularization of Ethics* // *Review of English Studies*. 2012. № 63 (259). P. 329-331.

6. Патриарх Кирилл назвал ересью защиту прав и «человекопоклонничество» // *Новая газета*. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1701561.html> (Дата обращения 28.08.2016)

7. Интымакова Л. Г. Проблема мифологизации и секуляризации сознания в современном обществе // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2013. № S7. С. 36-40.

8. Berger P. *The Heretical Imperative: Contemporary Possibilities of Religious Affirmation*. Garden City, N. Y.: Anchor Press/Doubleday, 1979. P. 220.

9. Berger P. *The Desecularization of the World: A Global Overview* // *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics* / P. Berger. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center. 1999. P. 1-18.

10. Мчедлов М. П. Новый тип верующих на пороге третьего тысячелетия // *Исторический вестник*. 2002. № 9-10. URL: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2000/5-6_9-10/1_30.htm (Дата обращения 28.07.2016)

11. Кофанова Е. Н., Мчедлова М. М. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 2(96). с. 201-230

12. Воцерковленность православных // ФОМ. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11587/> (Дата обращения 28.10.2016)

13. ВЦИОМ: пресс-выпуск № 2888. 27.07.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115329> (Дата обращения 28.08.2016)

14. Костюк К. Социальная доктрина как вызов традиции и современности РПЦ // *Religare*. URL: http://www.religare.ru/2_2169.html (Дата обращения 18.08.2016)

15. Социолог Голубовский: кто сказал, что патриарх не интересуется НЛП? // *Дождь*. URL: https://tvrain.ru/teleshow/here_and_now/sotsiolog_golubovskij_kto_skazal_chto_patriarh_ne_interesuetsja_nlp-330967/ (Дата обращения 07.08.2016)

16. Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества: Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на совещании // *Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text-/2619652-.html> (Дата обращения 07.10.2016)

17. Kaufmann E., Goujon A., Skirbekk V. *The End of Secularization in Europe?: A Socio-Demographic Perspective* // *Sociology of Religion*. 2012. № 73 (1). P. 69-91

18. Goldstein W. *Secularization Patterns in the Old Paradigm* // *Sociology of Religion*. 2009. №70 (2). P. 157-178

19. Soroka G. *Religion and Modern Society: Citizenship, Secularisation and the State* // *Journal of Church and State*. 2012. № 54 (4). P. 650-652.

20. Синелина Ю. Ю. Церковь и интеллигенция. Мифы и реальность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4(110). С. 61-70.

21. Синелина Ю. Ю. Атака на РПЦ? // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 100-104.

22. Аникина А. В. Религиозность современной студенческой молодежи: на примере Нижегородской области: дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2008.

23. Swatos W., Christiano K. Secularization Theory: The Course of a Concept // *Sociology of Religion*/ 1999. № 60 (3). P. 209-228

24. Беркви Ф. Межправославный богословский симпозиум в городе Салоники // ЖМП. 1973. № 6.

25. Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании // Православная беседа. № 2. 2004. URL: <http://www.ubrus.org/data/library/pages/551/Main.-htm> (Дата обращения 22.09.2015)

26. Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла к предпринимателям на встрече с руководством и членами Клуба православных предпринимателей 7 декабря 2009 года в Красном зале палат Храма Христа Спасителя. Официальный сайт клуба православных предпринимателей. URL: <http://kpp-russia.ru/club/> (Дата обращения 20.09.2015)

27. Духовно-нравственные аспекты современного экономического кризиса. Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/16685-57.html> (Дата обращения 22.09.2015)

28. Филатов С. Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // Религия и конфликт / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

References

1. Berger P. The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion. New York: Doubleday & Company, Inc., 1967. P. 230.

2. Bruce S. Secularization: In Defence of an Unfashionable Theory // Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 432-433.

3. Beyer P. Secularization from the Perspective of Globalization: A Response to Dobbelaere // *Sociology of Religion*. 1999. № 60 (3). P. 289-301.

4. Snead J. Carol Stewart. The Eighteenth-Century Novel and the Secularization of Ethics // *Review of English Studies*. 2012. № 63 (259). P. 329-331.

5. Stewart C. The Eighteenth-Century Novel and the Secularization of Ethics // *Review of English Studies*. 2012. № 63 (259). P. 329-331.

6. Patriarkh Kirill nazval eres'yu zashchitu prav i «che-lovekopoklonnichestvo» // Novaya gazeta [Patriarch Kirill called protection of the rights and «man-worship» heresy]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1701561.html>

7. Intymakova L. G. Problema mifologizatsii i sekulyarizatsii soznaniya v sovremennom obshchestve

[Problem of mythologization and laicisation of consciousness in modern society] // *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Kontsept»*. 2013. № S7. S. 36-40.

8. Berger P. The Heretical Imperative: Contemporary Possibilities of Religious Affirmation. Garden City, N. Y.: Anchor Press/Doubleday, 1979. P. 220.

9. Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics* / P. Berger. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center. 1999. P. 1-18.

10. Mchedlov M. P. Novyj tip veruyushchikh na poroge tret'yego tysyacheletiya [New type of believers on the dawn of the third millennium] // *Istoricheskij vestnik*. 2002. № 9-10. URL: http://www.vob.ru/public/bishop/-istor_vest/2000/5-6_9-10/1_30.htm (Data obrashcheniya 28.07.2016)

11. Kofanova E. N., Mchedlova M. M. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2010. № 2(96). S. 201-230

12. Votserkovlennost' pravoslavnykh [Churching of Women of Orthodox Christians] // FOM. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11587/>

13. VTSIOM: press-vypusk № 2888. 27.07.2015 [Russian Public Opinion Research Center: press release № 2888. 27.07.2015]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115329>

14. Kostyuk K. Sotsial'naya doktrina kak vyzov traditsii i sovremennosti RPTs [Social doctrine as call of tradition and present of ROC] // *Religare*. URL: http://www.religare.ru/2_2169.html

15. Sotsiolog Golubovskij: kto skazal, chto patriarkh ne interesuetsya NLP? [Sociologist Golubovsky: who told that the patriarch is not interested in the NLP?] // *Dozhd'*. URL: https://tvrain.ru/teleshov/here_and_now/sotsiolog_golubovskij_kto_skazal_chto_patriarkh_ne_interesuetsya_nlp-330967/

16. Teologiya v vuzakh: vzaimodejstviye Tserkvi, gosudarstva i obshchestva: Vystupleniye Svyatejshego Patriarkha Kirilla na soveshchani [Theology in higher education institutions: interaction of Church, state and society:

A speech of the Most Saint Patriarch Kirill at the meeting] // *Ofitsial'nyj sajt Moskovskogo Patriarkhata Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2619652-.html>

17. Kaufmann E., Goujon A., Skirbekk V. The End of Secularization in Europe?: A Socio-Demographic Perspective // *Sociology of Religion*. 2012. № 73 (1). P. 69-91

18. Goldstein W. Secularization Patterns in the Old Paradigm // *Sociology of Religion*. 2009. №70 (2). P. 157-178

19. Soroka G. Religion and Modern Society: Citizenship, Secularisation and the State // *Journal of Church and State*. 2012. № 54 (4). P. 650-652.

20. Sinelina Yu. Yu. Tserkov' i intelligentsiya. Mify i real'nost' [Church and intellectuals. Myths and reality] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny*. 2012. № 4(110). S. 61-70.

21. Sinelina Yu. Yu. Ataka na RPTs? [Attack to ROC?] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2001. № 11. S. 100-104.

22. Anikina A. V. Religioznost' sovremennoj studencheskoj molodezhi: na primere Nizhegorodskoj oblasti [Religiousness of modern student's youth: on the example of the Nizhny Novgorod Region]: dis. ... kand. sotsiol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2008.

23. Swatos W., Christiano K. Secularization Theory: The Course of a Concept // *Sociology of Religion*/ 1999. № 60 (3). P. 209-228

24. Berkvi F. Mezhpravoslavnyj bogoslovskij simpozium v gorode Saloniki [Interorthodox theological symposium in the city of Thessaloniki] // *ZhMP*. 1973. № 6.

25. Svod nravstvennykh printsipov i pravil v khozyajstvovanii [The set of the moral principles and rules in managing] // *Pravoslavnyaya beseda*. № 2. 2004. URL: <http://www.ubrus.org/data/library/pages/551/Main.-htm>

26. Obrashcheniye Svyatejshego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla k predprinimateleyam na vstreche s rukovodstvom i chlenami Kluba pravoslavnykh predprinimatelej 7 dekabrya 2009 goda v Krasnom zale

palat Khrama Khrista Spasitelya [The address of the Most Saint Patriarch of Moscow and all Russia Kirill to businessmen at the meeting with the management and clubmen of orthodox businessmen on December 7, 2009 in the Red hall of chambers of the Cathedral of Christ the Saviour]. Ofitsial'nyj sajt kluba pravoslavnykh predprinimatelej. URL: <http://kpp-russia.ru/club/>

27. Dukhovno-nravstvennye aspekty sovremennogo ekonomicheskogo krizisa. Ofitsial'nyj sajt Moskovskogo Patriarkhata Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi [Spiritual and moral aspects of a modern economic crisis. Official site of the Moscow Patriarchy of Russian Orthodox Church]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/16685-57.html>

28. Filatov S. Traditsionnye religii, «russkaya tsivilizatsiya» i suverenaya demokratiya [Filatov S. Traditional religions, «the Russian civilization» and sovereign democracy] // *Religiya i konflikt / pod red. A. Malashenko i S. Filatova*; Mosk. Tsentri Karnegi. M.: Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (RUSSPEN), 2007.

* * *

REACTION OF ROC TO LAICISATION PROCESSES MODERN SOCIETY

MOROZOV EVGENY MIKHAYLOVICH

Tomsk Orthodox Theological Seminary,
Tomsk, the Russian Federation, e-mail: tigriso@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1796-3706

Socio-political transformation of Post-Soviet Russia inspired in a public discussion emergence of new contradictions between traditional and modernist paradigms, religious and secular views. Involvement of Russia in world process of globalization is ambiguously estimated, and the Orthodox church refers politicization of a phenomenon of religion, devaluation of traditional cultural values, laicisation of economy to its negative consequences. In article the author made the analysis of strategy of the reply of Russian Orthodox Church to development of processes of laicisation in modern Russian society, considered the maintenance of a concept «laicisation», revealed distinction in his secular and religious understanding, problematized active resistance of church to withdrawal of orthodox values from the concept of the social state. The author came to the following conclusions: in character processes of laicisation of modern Russian society are more comparable to the laicisation which began in the XVIII century in Europe than to current western welfare trends; laicisation abolishes moral regulation of consumerism, a priority of ethical and moral standards that forms risk of emergence of such antisocial lines of the personality as anarchism (a protest against state regulation of the personality) and money-making (orientation to earning money), and also such antisocial phenomena as destruction of institute of a family and terrorism; for overcoming negative consequences of laicisation and prevention of new threats the church offers orthodox justification of the Russian identity and economy, and also a method of revival of cultural communication of Christianity and society. Exit of the Russian society from spiritual crisis can due to church, due to expansion of the sphere of its influence. A methodological basis is the method of comparative historicism. A theoretical basis of a research is Peter Berger's concept about a religion role in the modern world, his statement of an opinion inaccuracy that modernization inevitably conducts to a religiousness decline that, on the contrary, it finally caused the powerful movement of counterlaicisation, and the modern world «violently religious». The empirical base is the analysis of documents and the secondary analysis of these social researches.

Key words: Russia, Russian Orthodox Church, laicisation, society, values, religion, ideology, culture, tradition, present

Об авторе:

Морозов Евгений Михайлович, кандидат богословия, Первый проректор Томской Православной Духовной семинарии, г. Томск

About the author:

Morozov Evgeny Mikhaylovich, Candidate of Divinity, First Vice Rector of the Tomsk Orthodox Theological Seminary, Tomsk